

Научная статья

УДК 82.091:1(47+44)

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-105-112

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР КАК СРЕДСТВО МАНИФЕСТАЦИИ АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ В РОМАНЕ М. М. ХЕРАСКОВА «НУМА, ИЛИ ПРОЦВЕТАЮЩИЙ РИМ»

Пучкова А. Е.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2025

Принята к публикации 16.06.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть предметный мир романа М. М. Хераскова «Нума...» в контексте аллегорического представления историософской концепции судьбы «золотого века» в развитии человечества с учётом философско-исторического содержания и аллегорического «сюжета» книги.

Процедура и методы. Для анализа используются элементы культурно-исторического, историко-генетического, сравнительно-типологического, феноменологического, герменевтического, структурно-семиотического методов. Анализ романа Хераскова «Нума...» проводится в контексте развития западноевропейских и русских «государственных», «политико-утопических» романов XVIII в., с учётом своеобразия романной поэтики в нормативно-традиционалистскую эпоху.

Результаты. Итогом проведённых исследований стала возможность соединить философско-историческую концепцию Хераскова, базирующуюся на идее «Золотого века» и его судьбы в развитии человечества, и основных структурных уровней книги, в первую очередь её предметного начала. Проведённый анализ позволил понять, каким образом функционирует предметная деталь в тексте, жанровое задание которого не предусматривает изобразительности, а также уточнить представления о развитии российского политико-дидактического, масонского романа XVIII в.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показан потенциал предметной сферы в русской дидактико-аллегорической прозе XVIII в., а также пути развития романной прозы М. М. Хераскова. Результаты статьи могут использоваться в дальнейших исследовательских разработках развития масонской прозы той поры, в курсах русской литературы XVIII в., а также спецкурсах смежной тематики.

Ключевые слова: государственная мифология, М. Херасков, масонство, «Нума, или Процветающий Рим», предметная деталь, роман

Для цитирования:

Пучкова А. Е. Предметный мир как средство манифестации аллегорической историософии в романе М. М. Хераскова «Нума, или процветающий Рим» // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 105–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-105-112>.

Original research article

THE OBJECTIVE WORLD AS A MEANS TO MANIFEST ALLEGORICAL HISTORIOGRAPHY IN M. M. KHERASKOV'S NOVEL “NUMA, OR PROSPEROUS ROME”

A. Puchkova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru

Received by the editorial office 09.06.2025

Accepted for publication 16.06.2025

Abstract

Aim. To examine the objective world in M. M. Kheraskov's novel "Numa...", allegorically presenting historiosophical concept of the fate of the "Golden Age" in the development of humanity, considering the philosophical and historical content and allegorical "plot" of the book.

Methodology. Elements of cultural-historical, historical-genetic, comparative-typological, phenomenological, hermeneutic, structural-semiotic methods are used in the analysis; it is carried out in the context of the development of Western European and Russian "state", "political-utopian" novels of the 18th century, considering the uniqueness of novel poetics in the normative-traditionalist era.

Results. The result of the conducted research is a connection of the philosophical and historical concept of Kheraskov, based on the idea of the "Golden Age" and its fate in the development of mankind, and the main structural levels of the book, primarily its subject matter. The conducted analysis makes it possible to understand how the subject detail functions in the text, the genre assignment of which does not provide for pictoriality, and to clarify the ideas about the development of the Russian political and didactic, Masonic novel of the 18th century.

Research implications. The potential of the subject area in Russian didactic-allegorical prose of the 18th century, as well as the development paths of M. M. Kheraskov's novel prose, has been shown. The results of the article can be used in further research developments of Masonic prose of that time, in courses of Russian literature of the 18th century, as well as special courses on related topics.

Keywords: state mythology, M. Kheraskov, Freemasonry, "Numa, or Flourishing Rome", objective detail, novel

For citation:

Puchkova, A. E. (2025). The Objective World as a Means to Manifest Allegorical Historiography in M. M. Kheraskov's Novel "Numa, Or Prosperous Rome." In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 105–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-105-112>.

Введение

Проза Михаила Матвеевича Хераскова занимает особое место в истории русской литературы. Привлекавшая внимание современников как реализация программы дидактического аллегорического романа – одной из немногих «уважаемых» теоретической мыслью той поры модификаций романного повествования (в духе «Приключений Телемака» Фенелона) [1, с. 89–115], она довольно скоро была забыта как излишне дидактичная, оторванная от осмысления реальности, внешнего мира и внутреннего состояния героя-современника, к постижению которых стремилась литература рубежа XVIII – XIX вв. Действительно серьёзный историко-литературный интерес эта проза начинает вызывать в работах последних десятилетий: наряду с осмыслением личности, биографии, поэзии Хераскова его романы всё чаще становятся предметом

анализа учёных, и всё более серьёзные закономерности развития литературы той поры находят подтверждение в творческих исканиях писателя [2–6]. Однако подобных исследований его романов на сегодня не так много, причём на этом фоне первый дидактический аллегорический роман Хераскова «Нума, или Процветающий Рим» (1768) выделяется малой изученностью и некоторой недооценённостью. Однако ряд работ исследователей позволяет судить о том, сколь серьёзные историософские и политические проблемы затрагивал в нём Херасков и, следовательно, сколь большое значение имело это произведение для понимания внутренней логики формосодержательного развития его прозы [7, с. 305–314].

Цель данной статьи – рассмотреть предметный мир романа М. М. Хераскова «Нума...» в контексте аллегорического представления историософской концеп-

ции судьбы «золотого века» в развитии человечества, берущей начало в античности и творчески используемой многими поколениями писателей самых разных эпох. В романе Хераскова эта концепция играет важную роль как для оформления его философско-исторического содержания, так и для выявления специфики аллегорического «сюжета» книги.

Предметный мир в контексте жанровой динамики русской прозы XVIII века

Обращение к анализу романа «Нума...» сквозь призму предметности не случайно. Это одна из категорий (наряду с так называемым «открытием природы» и психологизмом), которая знаменовала в русской литературе XVIII в. наиболее значительный, фундаментальный переход от нормативно-традиционалистской к индивидуально-творческой эпохе. Традиционалистская эстетика оценивается исследователями как «эйдетическая», когда художественный образ соотносится не с неким реальным источником, но с отвлечённым представлением о нём (идеальным представлением об устройстве «природы изящной», рационально понятой сущностью человеческого характера или высшей «природы» вещей) [8, с. 187–188]. Эта рационалистическая, неоплатонистская в своём истоке эстетика, основным формальным воплощением которой стал феномен жанра; для каждого из жанров нормативно-традиционалистской литературы существовали устоявшиеся критерии развёртывания «картины мира», нормы выбора и изображения персонажей, закономерности изображения художественных топосов и локусов и т. п.

Появление предмета, вещи как конкретного феномена, связанного с представлением о человеческом участии в его создании, представляло в литературе той поры важный шаг от эйдетического принципа художественного изображения к его индивидуальному, субъективно окрашенному источнику, от жанровой предопределённости к индивидуально-авторскому видению действительности. И не случайно

это «открытие» предметного мира наиболее динамично происходило в литературе второй половины XVIII в. в сфере прозы, конкретнее – романа. Бывший наиболее «свободным» в структуре тогдашних литературных жанров, теоретически мало обоснованный на тот момент роман уже в это время представлял собой особую литературную форму, нацеленную на широкий диалог с миром, и, следовательно, открытый всем впечатлениям бытия. «Открытие предметности» было очень важной составной частью этого процесса.

Однако нравоучительный, аллегорический роман как жанр реализовывал эту тенденцию довольно своеобразно. Это представляется связанным с его особой художественной природой – в самом его жанровом «задании» предполагалось внимание не столько к постижению реальности (даже понимаемой достаточно условно, пропущенной сквозь многочисленные «фильтры» представлений нормативно-традиционалистской эстетики о «должном», «допустимом», «прекрасном», «полезном», «правдоподобном» и т. п.), сколько к осознанию мира внутреннего, причём «реальные» образы при этом неизбежно становились аллегориями процессов, происходящих в душе героя. Для такого романа предметность далеко не всегда была нужна – тем интереснее представляются те редкие случаи, когда она всё же появляется и позволяет судить о тенденциях развития жанра, несмотря на свою архаичность, вписывавшегося в контекст магистрального литературного движения эпохи [9, с. 149–164].

Роман М. М. Хераскова «Нума...»: путь к оформлению аллегорической историософии писателя

В исследовательских трудах «Нума...» характеризуется и как роман, и как повесть с опорой на авторское обозначение: «сия повесть не есть точная историческая истина»¹, что в данном случае представляется указанием на «повествователь-

¹ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 2.

ность» текста, в отличие от «истинной» истории. С учётом этого обозначение книги как «государственного», «масонского», «нравственно-утопического» романа, по-видимому, значительно более отвечает её жанровой природе. В работе Ю. А. Ростовцевой приведён систематизированный очерк исследовательских трактовок как жанровой природы книги, так и истории её создания [7, с. 305–306]; она связывается исследователями с деятельностью Комиссии по составлению нового уложения и представляет собой государственническую утопию Хераскова-масона, который благодаря истории легендарного правителя Рима Нумы Помпилия (известия о которой он получил как из античных, так и из новых источников, в том числе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха¹ и книги Ж. П. К.Флориана «Нума Помпилий, второй царь Римский», 1786²) имел возможность раскрыть идеал правления, основанного на идеях умеренности, человеколюбия и законности, а также важную для масонской программы мысль о благотельности для монарха просвещения, которое только и позволяет реализоваться идеалу Платоновской Республики: «Можно теперь сказать с божественным Платоном, что счастливы те народы, у которых Философ Государем бывает, или Государь Философом делается. И можно увериться, что слава не одним оружием приобретена бывает».³

В романе обучение идеального правителя – Нумы – осуществляет нимфа Эгерия, большую часть его содержания составляют программные беседы-«уроки» правителя и нимфы, которая наставляет его, каким образом можно доставить благоденствие стране и народу.

Типологически роман, связанный с идеей воспитания правителя, был подобен не только «Приключениям Телемака» Фенелона (идеи которого пытался привить на российской почве В. К. Тредиаковский в процессе создания «Тилемахиды»), но и роману Мармонтеля «Велизарий» (перевод которого в России был осуществлён в 1786 г. по инициативе Екатерины II), роману Э. Рамзея «Новая Киропедия» и др. По традиции источником материала для подобных «государственных романов» было историческое прошлое, которое при этом изображалось не в культурно-бытовой конкретности, но предельно условно и нередко мифологизированно, как некое абсолютное, «идеальное» прошлое, способное служить универсальным примером для решения политических проблем у всех народов и во все века. Этот взгляд совпадал с общей ориентацией нормативно-традиционалистской, и в первую очередь классицистской установкой на восхищение идеальной античностью. И большинство исторических «примеров» в подобных романах, и тем более сам политический идеал в них, соотносимый с «Республикой» Платона, соответствовали традиции идеализировать «абсолютную античность». Это и послужило основой центрального в романе Хераскова мотива обучения идеального правителя Рима, Нумы Помпилия.

Сама концепция исторического движения в романе основывалась на мифологии золотого века. Представлявшая собой одну из модификаций мифологизированной историософии древних, идея последовательной смены в истории человечества «золотого», «серебряного», «бронзового» и «железного века» оказала огромное влияние как на искусство античности, так и последующее развитие искусства самых разных эпох. Этот мифологизированный взгляд основан на более общей идее развития как инволюции человечества, постепенном его «ухудшении», растущей ущербности в его существовании. В античной традиции источником её художественного описания стала поэма Гесиода «Труды и дни». При этом наибольшее внимание

¹ Плутарх. Ликург и Нума // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. I. М.: АН СССР, 1961. С. 51–101.

² Поэтическая книга Флориана была переведена в прозе в России Г. И. Шиповским и издана в Петербурге в 1799 г.

³ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 176.

привлекали «крайние» позиции: «золотой» и «железный» века как антитеза счастливого в своей невинности существования перволюдей, и в противоположность ему – картины существования «падшего» человечества, время вражды, тяжкого труда, голода и лишений, торжества смерти.

Эта линейная схема смены эпох в истории человечества могла варьироваться, и роман Хераскова предлагает такую вариацию, основанную на масонской историософии, представлявшей историю человечества как падение, за которым в случае осуществившегося просвещения, трансформации затемнённых нравов может последовать новое возрождение. Этот мотив прослеживался как в истории жизни отдельного человека (от Адама падшего к возрождённому), так и в истории народов и государств. История Рима как универсальной модели государства для классицистской философии истории также укладывалась в эту структуру, и таким образом базой для государственных идей Хераскова в романе становится именно мифологема движения римской истории от идеальной первобытной цельности к разделённости и вражде и затем возвращению в «золотой век», которому суждено осуществиться лишь благодаря усилиям и мудрости государя-философа.

Предметный мир романа как репрезентация историософии автора

При анализе своеобразия предметной сферы романа «Нума...» важно помнить, что и его жанровая природа как «государственного», дидактико-утопического романа, и своеобразие сюжетно-композиционного строения, главной единицей которого является монолог – политико-нравоучительное размышление персонажа, обуславливают ситуацию, когда сколь угодно развёрнутые жизненные картины оказываются совершенно не нужны ни автору, ни читателю. Тем интереснее те предметные детали, которые здесь всё же возникают, поскольку как раз благодаря этому оформляется исследовательская

возможность увидеть трансформацию и жанровой модификации утопически-дидактического романа в сторону большей привязки к живому впечатлению реальности, и то, каким образом более архаичная художественная форма структурно преобразует детализацию реальной картины, превращая её в часть нравоучительно-аллегорического дискурса.

Главный принцип, который при этом присутствует, – каждая реальная деталь, попадающая в сферу авторского и читательского внимания, практически никогда не «работает» как самодостаточный художественный образ, имеющий потенциал зримой конкретики; она предельно лаконично представлена в тексте, и все возможные потенциалы её осмысления раскрываются именно благодаря «переносу» – метафорическому, аллегорическому или символическому (т. е. двигаясь ко всё более утончённому иносказанию).

Как правило, предметные образы представлены в краткой номинации (названы), и далее авторская мысль движется в сторону их классификации, в основе которой лежит в первую очередь историософская концепция Хераскова, а также дидактический, утопический «смысл» его романских построений. И здесь концепция смены «веков», столь значимая в масонской политической мифологии, становится одной из определяющих. Все предметные детали принадлежат либо сфере «железного» века, либо века «золотого». Первый – данность, в которой люди существуют в результате совершившегося рокового падения, они осуждены пребывать в сфере разделённости, вражды и торжествующей смерти; предметным выражением этих идей становятся знаковые, устойчивые и имеющие очень глубокую ассоциативную закреплённость в искусстве детали, так или иначе связанные с войной: «мечи» (наиболее частотная деталь в романе), «копья», «стрелы», «шлемы», а также и вовсе обобщённые обозначения – «оружия», «убийственные орудия»; к этому же ряду принадлежат столь же обобщённые характеристики: «твёрдые и глухие стены», «железная

дверь», «острые орудия» и т. п. «Золотой век» рассматривается в романе как то, что было утрачено людьми, но теперь может вернуться с помощью благодетельных установлений истинно просвещённого правителя. Эта эпоха характеризуется как время глубокого согласия человека с природой, и возвращение к ней трактуется как возвращение к сельскохозяйственному труду (следствие рационалистического характера государственной утопии Хераскова, которая в этом противоречит более архаическому представлению об идеальной гармонии как райском существовании, при котором люди питались плодами, свободно даруемыми природой, и были свободны от труда). Предметная сфера понятого таким образом «золотого века» – «плуг», «орудия земляные», «сокровища» (различного рода, прежде всего урожай, дары, которыми земля награждает человека). В развёртывании антитезы идеала и отступления от него большое место занимают авторские размышления о самих путях этой трансформации, метафорически обозначаемой как смена одних «орудий» (предметных деталей) другими: «Исторгни из варварских рук их смертоносные мечи и вместо их раздай орудия земляные»¹; «Не должны служить нам острые орудия к нашей гибели, они для полезного употребления изобретены».²

Этот принцип антитезы в подборе предметных деталей, которые служат не столько изобразительной конкретизации, сколько оформлению концептуальных идей, присутствует и на близких уровнях дидактико-нравоучительного плана книги. Так, изображение правителя в качестве центрального героя обуславливает появление в предметной сфере указаний на царское достоинство, а значит, на предметные детали, с ним связанные. Однако особый характер правления Нумы, символизирующего в государственной мифологии Хераскова синтез «правителя» и

того, кто ему обычно противопоставлялся («философа» и «хлебопашца», ср.: «Нума есть и мудрый правитель, и благочинный гражданин, и искусный поселянин»³), приводит к тому, что различные предметные знаки царской власти соседствуют с ассоциативно противоположными им знаками «умеренности»: с одной стороны «скиптр», «жертвенник», «злато», «сребро», «сокровища», «венец», «корона», «порфира», с другой – «сerp», «хижина», «рубище», «орудия земляные» и т. п. В начале романа, когда Нума, который зарабатывает на жизнь сельскохозяйственным трудом, призывается на престол, он оценивает трансформацию как утрату свободы, что выражается противопоставлением таких предметных символов, как «корона» и «узы»: «вы хотите наградить меня ... короною, но вы налагаете на меня узы, преодолевающие мои силы и заключающие меня в тяжкую неволю...»⁴ Принять власть для Нумы означает пожертвовать собой – предметным обозначением этого оказывается противопоставление «рубища» и «порфиры», причём с явной инверсией их коннотативных значений и эмоциональных ожиданий, когда рубище оценивается как нечто положительное и связанное с идеей простоты, умеренности и свободы, а порфира – как знак утраты этих ценностей: «Я жертвую богам, народу и славе его жизнь мою; но жертву сию хочу принести не в венце и на престоле. В сих рубищах! В сих рубищах могу вам также полезен быть, как и в порфире».⁵

Обращённый к античному материалу роман Хераскова, в отличие от более исторически точных в осмыслении предметного мира трудов профессиональных историков⁶, практически не содержит «археологических» описаний, колоритных предметов или обычаев той поры.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Примером чего может быть популярный в последние десятилетия XVIII века роман французского писателя Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции...» (1788), о его влиянии на русскую литературу см., например: [2, с. 173–212].

¹ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 52.

² Там же. С. 57.

Предметный мир романа предельно обобщён и аллегоричен. Единственная описанная в романе историческая реальность – межевые пограничные столбы, введение которых, по легенде, связано с установлениями Нумы; это часть его усилий по возвращению земле порядка, ибо привыкшие к грабёжам и разбоям люди нуждаются во внешнем, зримом указании, которым и становится римский «термин» (в описании его Херасков соединяет как собственно предметное значение, так и развёртывание последующей исторической «судьбы» его языкового обозначения, призванного проиллюстрировать идею развития языка): «...полагает он знак на границах полей разделённых, который учинил священным. Сей знак наречён термином и долго хранил Римских владельцев в покое, в безопасности и дружелюбии, душе всякого общества».¹ Стремясь не столько видеть изображаемое, сколько раскрывать читателю его эзотерический, таинственный смысл, автор использует предметные детали, строго соотнося их с концептуальной схемой книги, и не стремится к яркости и красочности жизненных впечатлений.

Заключение

Таким образом, анализ предметной сферы изображения в романе Хераскова «Нума...» позволяет проследить авторские пути раскрытия государственной утопии на уровне образного ряда книги. Предметная деталь в романе такого типа возникает редко; её представление практически лишено изобразительных возможностей, и сам факт её появления в тексте отсылает к отвлечённому, морально-дидактическому плану авторских размышлений. Наиболее часто при этом используется приём антитезы, когда противопоставляемые ряды предметных деталей связываются с различными уровнями авторских представлений прежде всего об «идеальном» и «ущербном» государственном устройстве. Мифологизированной историософской основой подобной структуры была концепция «золотого века», его утраты и возвращения, что определяет самые разные уровни книги от построения её предметного плана до философского смысла дидактических рассуждений об идеальном правителе, столь важных для масонской прозы XVIII столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования. М.: Московский государственный областной университет, 2012. 550 с.
2. Ивинский А. Д. Из писем М. Н. Муравьева 1776 г.: А. А. Барсов, В. И. Майков, М. М. Херасков и «Вольное российское собрание» // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 25–51. DOI: 10.22455/2541-8297-2023-28-25-51.
3. Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX в. М.: Р-Валент, 2018. 216 с.
4. Любжин А. И. Реминисценции античной литературы в повестях М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. № 28-1. С. 1042–1055. DOI: 10.30842/ielcp2306901528064.
5. Пашкуров А. Н. Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического. Казань: Казанский университет, 2010. 126 с.
6. Поженин Б. В. Первый литературный кружок в России: к истории объединения при «Сухопутном шляхетском кадетском корпусе» // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 88–98.
7. Ростовцева Ю. А. «Нума Помпилий» М. М. Хераскова и «Наказ» Екатерины Второй: литературная утопия в свете «исторической мифологии» // Филология: научные исследования. 2014. № 4. С. 305–314. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.4.13370.
8. Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
9. Сахаров В. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149–164.

¹ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. Печатано в Императорском Московском университете, 1768. С. 164.

REFERENCES

1. Alpatova, T. A. (2012). *N. M. Karamzin's Prose: Poetics of Narration*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
2. Ivinsky, A. D. (2023). From M. N. Muravyov Letters in 1776: A. A. Barsov, V. I. Maikov, M. M. Kheraskov, and the "Free Russian Assembly." In: *Literary Fact*, 2 (28), 25–51. DOI: 10.22455/2541-8297-2023-28-25-51 (in Russ.).
3. Ivinsky, D. P. (2018). *M. M. Kheraskov and Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries*. Moscow: R-Valent publ. (in Russ.).
4. Lyubzhin, A. I. (2024). Reminiscences of Classical Literature in M. M. Kheraskov's Stories "Cadmus and Harmony" and "Polydorus, Son of Cadmus and Harmony." In: *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 28-1, 1042–1055. DOI: 10.30842/ielcp2306901528064 (in Russ.).
5. Pashkurov, A. N. (2010). *Late Russian Sentimentalism: Dialogue of the Idyllic and the Elegiac*. Kazan: Kazan University publ. (in Russ.).
6. Pozhenin, B. V. (2024). The First Literary Circle in Russia: On the History of the Association under the "Land Gentry Cadet Corps." In: *The New Philological Bulletin*, 3 (70), 88–98 (in Russ.).
7. Rostovtseva, Yu. A. (2014). "Numa Pompilius" by M. M. Kheraskov and "Nakaz" by Catherine the Great: Literary Utopia in Light of "Historical Mythology." In: *Philology: Scientific Researches*, 4, 305–314. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.4.13370. (in Russ.).
8. Alekseeva, N. Yu. (2005). Russian Ode. Development of Odic Form in the 17th–18th Centuries. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
9. Sakharov, V. (2000). The Myth of the Golden Age in Russian Masonic Literature of the 18th Century. In: *Voprosy Literaturny*, 6, 149–164. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучкова Анастасия Евгеньевна (г. Москва) – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru ORCID: 0009-0001-4896-5464

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia E. Puchkova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru ORCID: 0009-0001-4896-5464